

ПОИСКИ

Пятьдесят лет назад художник Златковский – возможно, впервые в стране Советов, где еще не было и не могло быть секс-шопов, потому что широким слоям отечественного населения были просто неизвестны эти слова, – организовал линию промышленного производства эротических товаров. Художнику Златковскому было тогда восемь лет, а товаром была расческа с ручкой в форме женского тела со всеми необходимыми подробностями, созданная по заказу старшекласников и изготовленная в количестве 200 штук из алюминиевых пластин в ремесленном училище. Авторского гонора создатель эскиза, правда, так и не получил, зато народное признание пришло к нему незамедлительно.

Спустя полвека художник Златковский, вслед за расческой успевший создать графическую серию «Эротический театр», поделился накопленным художественным и человеческим опытом с участниками международной культурологической конференции «Эрос и логос», прошедшей в Москве на прошлой неделе под эгидой Министерства культуры.

– Конференция была научно-практическая?

– Кажется, да. Но практических занятий не было, это точно. Конференция была создана по заказу Комитета по культуре Госдумы, который занимался разработкой закона о распространении порнографии. Закон вообще-то уже принят, но некоторым депутатам он кажется слишком мягким. И эксперты-культурологи по замыслу Министерства культуры должны были наконец четко объяснить депутатам, что такое порнография.

– Объяснили?

– Нет. Официальный итог обсуждения – такая научная записка – поступил в Думу месяца через два, но я не

думаю, что депутаты смогут извлечь из нее что-нибудь полезное. Потому что все самые авторитетные люди, выступавшие на конференции, говорили как раз о том, что порнография – это культурологическое понятие. А определить его юридически очень сложно. Кто-то приводил пример, что медицинскую энциклопедию с цветными вкладками тоже можно расценить как возбуждающий визуальный образ. А можно наблюдать фантастические по откровенности сцены – фильм «Калигула», например, – и видеть в этом высокое искусство. Да и вообще понятие порнографии стало таким широким, что его можно применить по отношению к чему угодно, вплоть до политической программы партии.

– Это депутатам вряд ли понравится. Значит, им вы не помогли. А международную общественность что волнует?

– От международной общественности выступала американка с докладом о том, как в западной цивилизации меняются отношения между полами: мужчины становятся все более гомосексуальными, а женщины – все более самодостаточными. Мужчина им нужен только как сексуальный партнер – все остальное они умеют сами. Ну, это повсюду так. Дали бабам власть – теперь пожинаем...

– «Бабам»... А как в докладе – так Женщина с большой буквы...

– Это я на американок сердит. Я просто хорошо знаю, что это такое – американский феминизм. Самое чудовищное порождение извращенного человеческого сознания. Я не против женщин у власти, но пусть они ее получают, приложив для этого усилия. А ее им просто дали. Это все равно как дать власть индейцам. Знаете, как живут индейцы в Америке? Они оттапали себе несколько охраняемых зон, где не действуют американские законы

**Художник
Михаил Златковский
рисует всё, что вы хотели
увидеть**

«Во-первых, мне, как и всякому мужчине, весело этим заниматься. Во-вторых, мне еще весело об этом думать».

«НИЖЕ ПОЯСА – СМЕШНО»

и нет полиции, получают огромные дотации, ничего не делают, пьют и занимаются наркотиками. Если индеец захочет поступить в Гарвард, ему это не будет стоить ни копейки. Но ни один индеец еще не поступил в Гарвард.

– А вы только что поставили знак равенства между индейцем и женщиной... Феминистки бы вас не одобрили. Вы тоже считаете, что закон слишком мягкий?

– Меня вполне устраивает. Я вообще сторонник абсолютной свободы во всем. Другое дело, когда речь идет о насилии над душой человека. Тогда это уже не просто порнография, а преступление против личности. Если мне в почтовый ящик будут вкладывать порнографические журналы, то это – насилие, это нужно запретить. Но если кто-то захочет на них подписаться – ради Бога. Пусть будут специально отведенные места –

совестью, со своей памятью? И если я не делаю чего-то, то не потому, что кто-то сказал, что так нельзя, а только потому, что мне самому потом будет плохо.

– А если запрет исходит от людей, то его надо обязательно нарушить, так?

– Если я увижу надпись: «Осторожно, мины!» – я не пойду. Но в принципе так. Когда в детском садике нас построили и велели ходить за руку, меня это бесило, я ревел и уходил в сторону. Меня несколько раз исключали из комсомола, потому что нельзя было танцевать твист. А мы только приезжали в какой-нибудь лагерь – в первый же вечер все вслед за мной уже плясали и слушали джаз. У меня вся жизнь – это протест против чего-нибудь. Мой уход из физики в самом расцвете научной карьеры – причем уход в никуда! Это был протест против системы, в которую я попал. Я понял, что становлюсь просто винтиком огромной машины, и те сказочные интеллектуальные достижения и праздники, которые обещал мне фильм «Девять дней одного года» и газета «Комсомольская правда» в своей дискуссии о физиках и лириках, на самом деле превратились просто в серую обыденную работу.

– Так, значит, главный мотив создания «Эротического театра» – это протест? А я думала, это просто весело...

– Да весело, конечно. Во-первых, мне, как и всякому мужчине, весело этим заниматься. Во-вторых, мне еще весело об этом думать. Не весело – интересно. Ведь мы думаем об этом

когда мы ощущаем дыхание смерти рядом с собой.

– Вам приходилось видеть краснеющих людей, которые смотрят на ваши рисунки?

– Мне приходилось видеть людей, которые, посмотрев мои работы, подходят к моей жене и шепчут ей, что меня пора срочно вести к психиатру... Это сначала. А те, кто придет и посмотрит еще раз и еще, потом говорят: «Ну надо же! Я понял, с каким восторгом ты относишься к женщине!» И я им говорю: «Ну наконец-то!» Вообще-то людей, которые улыбаются, глядя на мои рисунки, гораздо больше, чем тех, кто краснеет.

– Значит, «ниже пояса» тоже бывает смешно?

– Бывает, конечно. Просто материя очень тонкая, поэтому так много пошлости. Тут уж все зависит только от мастерства.

– А вам самому приходилось краснеть при взгляде на чужие произведения?

– Краснеть – вряд ли, а испытывать брезгливость – да. Один из самых ярких примеров пошлости, который приходит мне в голову, – это конкурс толстушек, который регулярно проводит одна популярная газета. Они там танцуют маленьких лебедей, в пачках высказывают на сцену, делают гимнастические упражнения... Это чудовищно, это на потребу самому низкому вкусу. Дело не только в том, что публике показывают обнаженных женщин, – нет, публике еще и говорят: посмотрите, какие они уродливые! Вот что такое порнография.

– Вы собирались издавать серию

ДОСЬЕ "МН"

Михаил ЗЛАТКОВСКИЙ –

выпускник МИФИ, по образованию – физик-ядерщик, после окончания института 5 лет занимался научной работой. В 1971 году превратился в свободного художника, с 1974 года – художественный редактор журнала «Химия и жизнь», потом – журнала «Природа и человек» и газеты «Московские новости». С 1993 по 1998 год работал в США, где был главным художником ряда издательств.

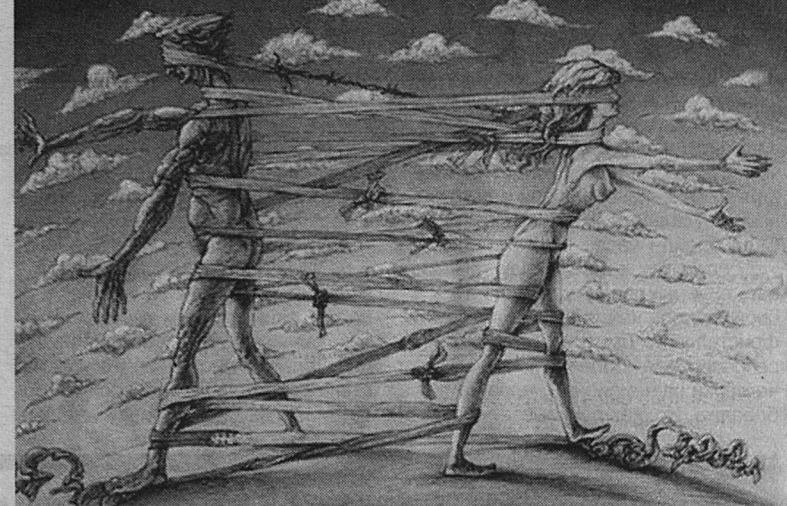
как интим-магазины. Это же не значит, что нужно обносить их колючей проволокой. А борьба идет именно за это. Сексуальная жизнь человека – самая потаенная и самая закрытая от присутствия государства область. А как только у человека появляется что-то скрытое, власть сразу настораживается. Именно поэтому в Северной Корее нет занавесок на окнах. На системном уровне вся эта возня вокруг закона – это именно очередная попытка власти ввести контроль над образом мыслей человека. Но это уже политика, а не культурология.

– В свой адрес вам приходилось слышать обвинения в порнографии?

– Приходилось – от американских старушек... Из-за таких, как они, я и начал все это рисовать. Моя серия – это мой личный протест против огромного количества придуманных людьми табу: нельзя, нельзя, нельзя! Но почему? Почему я должен слушать кого-то? Я сам vyšший себе судья. У меня есть мой собственный Бог, и мой Бог ничего мне не запрещает.

– Совсем ничего?

– Совсем. Он просто говорит: совладаешь ли ты потом со своей

гораздо больше времени, чем собственно проводим в постели. А когда у тебя есть способность выразить свои мысли не только словами, но и рисованием... С одной стороны, это очень смешно...

– Что смешно, уточните?

– Да то самое. С одной стороны, смешно, а с другой – безумно трагично. Может быть, это единственный момент,

«Эротический театр» в виде книжки с большим предисловием. Вы уже придумали первую фразу?

– Первой фразой будет посвящение моей жене Маше. А первой строчкой текста: «Господам психиатрам просьба не беспокоиться».

Анна РУДНИЦКАЯ